

Посвящается Розали

David McCullough

THE
Wright Brothers

The Dramatic Story
Behind the Legend

SIMON &
SCHUSTER

New York • London • Toronto • Sydney • New Delhi

Дэвид Маккаллоу

БРАТЬЯ Райт

Люди, которые научили
мир летать

Перевод с английского

ТРАЕКТОРИЯ

АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва
2017

УДК 82-3:629.7(092)

ББК 82-3:629.7(092)

M15

Переводчик Михаил Витебский
Редактор Наталья Нарциссова
Научный консультант Егор Быковский

Маккаллоу Д.

M15 Братья Райт. Люди, которые научили мир летать / Дэвид Маккаллоу ;
Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2017. — 338 с.

ISBN 978-5-91671-680-1

В начале XX века человечество охватила «летная лихорадка» — страстное стремление воплотить, наконец, в жизнь многовековую мечту об управляемом полете. Правительства США и стран Европы тратили огромные суммы на программы по созданию первого летательного аппарата с мотором. А в это время в небольшом американском городке в штате Огайо два сына местного епископа на собственные небольшие средства строили свою летающую машину. Драматичная история о том, как скромные владельцы велосипедной мастерской, не окончившие даже колледжа, сконструировали и испытали первый в мире самолет, рассказанная лауреатом Пулитцеровской премии, обладателем Национальной книжной премии США Дэвидом Маккаллоу.

УДК 82-3:629.7(092)

ББК 84-442.3:39.53

Издание подготовлено в партнерстве с Фондом некоммерческих инициатив «Траектория» (при финансовой поддержке Н.В. Каторжнова).

ТРАЕКТОРИЯ

Фонд поддержки научных, образовательных и культурных инициатив «Траектория» (www.traektoriafdn.ru) создан в 2015 году. Программы фонда направлены на стимулирование интереса к науке и научным исследованиям, реализацию образовательных программ, повышение интеллектуального уровня и творческого потенциала молодежи, повышение конкурентоспособности отечественных науки и образования, популяризацию науки и культуры, продвижение идей сохранения культурного наследия. Фонд организует образовательные и научно-популярные мероприятия по всей России, способствует созданию успешных практик взаимодействия внутри образовательного и научного сообщества.

В рамках издательского проекта Фонд «Траектория» поддерживает издание лучших образцов российской и зарубежной научно-популярной литературы.

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу nylib@alpina.ru.

© David McCullough, 2015
First published in Great Britain by Simon & Schuster
UK Ltd, 2015

© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2017

ISBN 978-5-91671-680-1 (рус.)

ISBN 978-1-4711-5036-4 (англ.)

Оглавление

Пролог 9

ЧАСТЬ I

Глава 1. Начало 13

Глава 2. Рождение мечты 41

Глава 3. Там, где дуют ветры 61

Глава 4. Непреклонная решимость 87

ЧАСТЬ II

Глава 5. 17 декабря 1903 года 109

Глава 6. Хаффман-Прейри 139

Глава 7. Исключительно веский довод 165

Глава 8. Триумф в Ле-Мане 193

ЧАСТЬ III

Глава 9. Крушение 223

Глава 10. Неповторимое время 249

Глава 11. Причины для торжества 275

Эпилог 307

Благодарности 317

Библиография 323

Иллюстрации 332

Предметно-именной указатель 333

Птицы не парят в безветрие.

Уилбур Райт

ПРОЛОГ

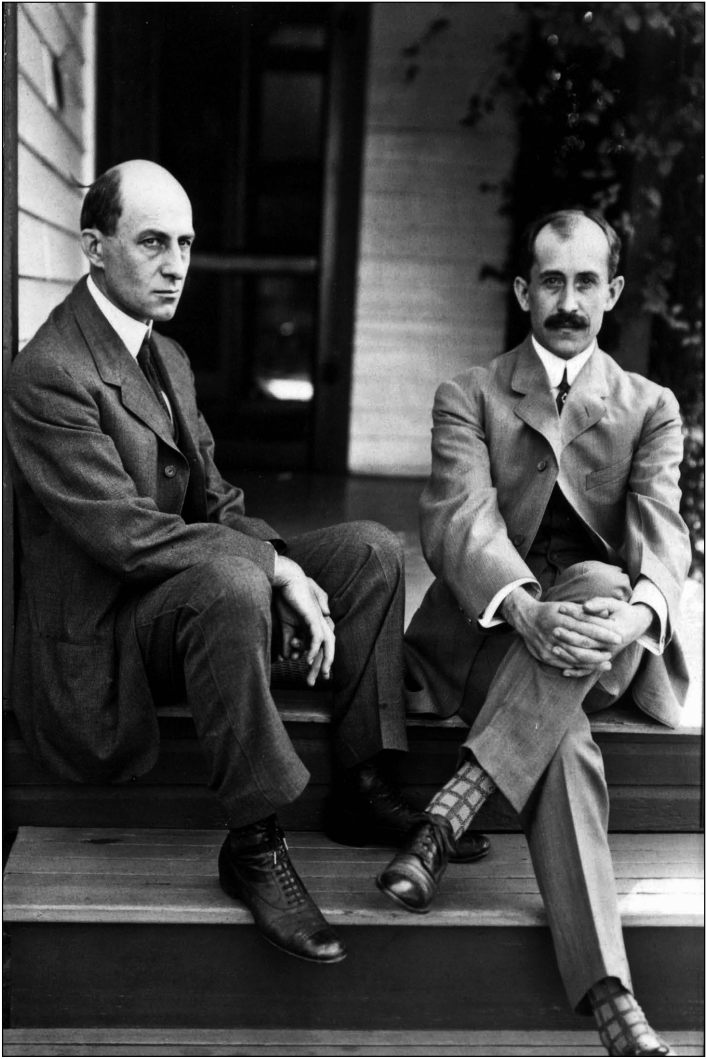
И в древности, и в Средние века человек мечтал о полетах в небо, о том, чтобы парить в синеве подобно птице. В 875 году один гениальный сумасшедший испанец прославился тем, что покрыл себя перьями, чтобы превратиться в птицу и взлететь. Другие мастерили крылья собственной конструкции и прыгали с крыш и башен — в Константинополе, Нюрнберге, Перудже; некоторые разбивались насмерть. Ученые монахи делали чертежи на бумаге. Леонардо да Винчи начал серьезные исследования в этой области примерно в 1490 году. Он чувствовал, что ему предназначено судьбой изучать полеты, и рассказывал о детском воспоминании, когда к его колыбели подлетел коршун.

Что касается братьев Уилбура и Орвилла Райт из Дейтона, штат Огайо, то для них авиация началась с игрушки из Франции, маленького «вертолета», который принес домой их отец, епископ Милтон Райт, убежденный сторонник образовательной ценности игрушек. Плод фантазии французского экспериментатора Альфонса Пено, вертолет представлял собой всего лишь палочку с двумя пропеллерами и резиновыми лентами и стоил, вероятно, не больше 50 центов. «Смотрите, мальчики», — сказал епископ, пряча нечто в руках. Когда он отпустил это, оно взлетело к потолку. Они назвали эту вещицу «летучей мышью».

Ида Палмер, первая учительница Орвилла в начальной школе, вспоминала, как тот, сидя за партой, возился с какими-то деревяшками. На вопрос, чем он занимается, Орвилл ответил, что делает машину вроде той, на которой они вместе с братом когда-нибудь поднимутся в воздух.

Часть I

Начало

Если бы я давал совет молодому человеку о том,
как ему добиться успеха в жизни, я сказал бы ему:
найди хороших отца и мать и начни жизнь в Огайо.

Уилбур Райт

I.

На этой фотографии, как и на всех фото, где братья сняты вместе, они сидят рядом на ступеньках заднего крыльца семейного дома Райтов на маленькой боковой улочке западной окраины Дейтона. Фотография относится к 1909 году — это пик их славы. Уилбур 42 года, Орвиллу — 38. Уилбур сидит с бесстрастным выражением лица, глядя несколько в сторону, как будто думает о чем-то своем, и, скорее всего, так и есть. Он поджар, почти костляв, с длинным носом и вытянутым подбородком, гладко выбрит и лыс. На нем однотонный темный костюм и ботинки с высокой шнуровкой — примерно как у их отца-священника.

Орвилл пристально смотрит прямо в объектив фотоаппарата и сидит, небрежно закинув ногу на ногу. Выглядит он немного плотнее и моложе брата, его волосы заметно гуще, вдоба-

вок он носит аккуратно подстриженные усы. Костюм Орвилла светлее и сшит значительно лучше, на ногах яркие носки в клетку и ботинки, украшенные накладками из кожи. Клетчатые носки — это, по всей видимости, максимум легкомыслия, который могла себе позволить мужская часть семейства Райт. В этой позе выделяются также руки Орвилла, руки очень умелые: к тому моменту, когда была сделана фотография, они уже успели заметно изменить наш мир.

Если судить по выражению лиц братьев, чувство юмора им не свойственно, хотя едва ли это было так. Просто оба не любили фотографироваться. «По правде говоря, — написал один репортер, — с фотокамерой братья не дружили». Но что самое нехарактерное для них в этих позах — они сидят, ничего не делая. Безделью Райты не предавались почти никогда.

Жителям Дейтона было известно, что Уилбур и Орвилл весьма замкнуты, очень трудолюбивы и никогда не расстаются. Они «неразделимы как близнецы», говорил их отец, и «крайне необходимы» друг другу.

Они жили в одном доме, вместе работали, вместе ели, держали деньги на общем банковском счету, даже «думали вместе», как говорил Уилбур. Глаза их были одинакового сероголубого цвета, хотя у Орвилла посажены ближе и взгляд не такой пронизывающий. Даже писали братья почти одинаковым почерком — прямым и разборчивым, а их голоса были так похожи, что человек, находившийся в соседней комнате, не понимал, кто из них говорит.

Орвилл всегда заметно лучше одевался, но Уилбур с его ростом в 178 см был выше брата на 2,5 см и — как бы сказать — походил скорее на француза, чем на дейтонца. Женщины находили его несколько загадочным и довольно привлекательным.

Оба любили музыку: Уилбур играл на аккордеоне, Орвилл — на мандолине. Во время работы они порой одновременно насвистывали или напевали одну и ту же мелодию. И тот и другой были очень привязаны к дому. Оба любили готовить. Орвилл делал печенье и сладости, а Уилбур гордился свои-

ми соусами и в Рождество или День благодарения настаивал, что будет отвечать за фарш для индейки.

Подобно отцу и их сестре Кэтрин, братья были чрезвычайно энергичны и много работали — каждый день, кроме воскресенья. Таков был их образ жизни: трудиться и на работе, и дома — над «усовершенствованиями». Труд был их убеждением, и лучше всего они себя чувствовали, работая совместно над своими проектами на общем верстаке высотой по пояс, в фартуках, защищающих их костюмы и галстуки.

Они отлично уживались друг с другом: каждый из них знал, чем другой может помочь, чтобы решить проблему, каждый был давно знаком с сильными и слабыми сторонами другого, но между ними существовало негласное понимание того, что Уилбур, будучи старше на четыре года, являлся старшим членом партнерства.

Не всегда все шло гладко. Они могли быть очень требовательны и критичны друг к другу, споры доходили до того, что один высказывал другому «нечто ужасное». Порой горячий спор длился час, а то и больше, а они не могли ни на шаг приблизиться к согласию, если только кто-то не менял свою первоначальную позицию.

Часто говорили, что ни один из них никогда не изменял себе — это качество высоко ценили в Огайо. Они не только не хотели популярности, но делали все возможное, чтобы избежать ее. И, даже добившись славы, остались скромными людьми.

Однако некоторые различия между ними все же были, иногда хорошо заметные, иногда — не очень. Так, если Орвилл ходил как большинство других людей, то Уилбура отличали стремительная походка и длинные шаги, он «был чрезвычайно активен» и сильно жестикулировал, когда хотел что-либо подчеркнуть. Также Уилбур был более серьезен, усерден и вдумчив. Он помнил все, что когда-либо видел или слышал, не говоря уже о том, что читал. «У меня вообще нет памяти, — откровенно говорил Орвилл, — а он никогда ничего не забывает».

Способности к сосредоточению у Уилбура были таковы, что некоторые считали его немного странным. Он мог полностью отключиться от окружающего. «Самое сильное впечатление от Уилбура Райта, — рассказывал один из его одноклассников, — заключается в том, что это человек, живущий в основном в своем собственном мире». Каждое утро он выходил из дома без шляпы, погруженный в свои мысли, чтобы через пять минут вернуться за ней.

По общему мнению, Уилбур был человеком «необычным» и ни при каких обстоятельствах не терял хладнокровия, «никогда не выходил из себя», как с гордостью говорил его отец. Он был прекрасным оратором и блестящим автором, что не очень вписывается в образ такого молчаливого человека, очень неохотно выступавшего публично. Но если он говорил, то его замечания были неизменно меткими и запоминающимися. В профессиональной корреспонденции, в бесчисленных проектах и докладах, которые он написал, а также в частной переписке его словарный запас и владение языком были на высочайшем уровне, в значительной мере благодаря стандартам, которые установил его отец. Это была крайне важная сторона дарования Уилбура, если принять во внимание достижения его самого и брата.

«Уилл, кажется, получает наслаждение от “писанины”, поэтому я переложил эту часть работы полностью на его плечи», — объяснял Орвилл. Однако на самом деле он тоже очень любил писать, но в первую очередь членам семьи. Его письма к сестре Кэтрин полны юмора и вдохновения. То обстоятельство, что поначалу Уилбур писал почти все деловые письма от первого лица, словно он работал в одиночку, кажется, нисколько не волновало Орвилла.

Из них двоих он был более спокойным. Разговорчивый и веселый дома, на людях Орвилл становился болезненно застенчивым. В какой-то степени он унаследовал это свойство от покойной матери и всегда отказывался от любой публичной роли, предоставив это Уилбуру. И все же по натуре он был

более веселым, оптимистичным и предприимчивым человеком, а его удивительная изобретательность очень многое дала их проектам.

В то время как Уилбура мало волновало, что могли сказать или подумать о нем другие, Орвилл был очень чувствителен к любой критике или насмешке. Кроме того, у него случалось то, что в семье называли «странными приступами»: когда он слишком уставал или чувствовал себя обиженным, то становился капризным и раздражительным.

На многолюдных собраниях именно Уилбур привлекал всеобщее внимание, даже если почти не разговаривал. «Мистер Орвилл Райт, — писал один наблюдатель, — напротив, не обладал выдающейся индивидуальностью. Иначе говоря, ваш взгляд не выделял его из толпы в той же степени, в какой он произвольно обращался на мистера Уилбура».

Подобно своему отцу, братья всегда были настоящими джентльменами, учтивыми и вежливыми. Они не пили крепких напитков, не курили, не играли в азартные игры и всегда были («независимо друг от друга», как любил говорить их отец) республиканцами. Кроме того, братья были холостяками — и, судя по всему, вполне сознательно. Орвилл любил говорить, что Уилбур должен жениться первым, потому что он старше. Уилбур оправдывался тем, что у него нет времени на жену. Окружающие считали, что он «боится женщин». Один из его коллег вспоминал, что Уилбур «ужасно нервничал», если рядом с ним находились молодые женщины.

Объединяли братьев, помимо всего прочего, общность целей и непреклонная решимость. Они считали, что следуют «предназначению».

Жили братья с отцом, священнослужителем, который часто бывал в отъездах по делам церкви, и сестрой Кэтрин. Она была на три года моложе Орвилла, веселая, привлекательная, весьма самоуверенная, самая коммуникабельная из всех троих детей, оставшихся в родительском доме, и единственная из всей семьи окончила колледж — в Оберлине, штат Огайо.

Это произошло в 1898 году, после чего она вернулась в Дейтон и начала преподавать латынь в новой школе «Стил хай скул», где, как отмечал Орвилл, завалила на экзаменах большинство будущих первых людей города. Сама она говорила о тех, кого считала «неисправимо плохими» мальчиками, так: «Я подавила их остроумие в зародыше».

Стройная, подтянутая, в пенсне в золоченой оправе, с собранными в пучок темными волосами, она выглядела как настоящая школьная учительница. Сама себя Кэтрин называла «коротышкой», потому что ее рост едва превышал 152 см, но все, кто знал ее, понимали, каким влиянием она обладала. Живя в семье, состоящей из трех мужчин и одной женщины, она всегда отстаивала свою точку зрения. Кроме того, Кэтрин была самой жизнерадостной в семье, самой неутомимой и разговорчивой, и домочадцы очень любили ее за это. Она приглашала в дом подружек по колледжу и устраивала вечеринки. Из двоих братьев ближе она была с Орвиллом — у них была меньше разница в возрасте, они родились в один день, 19 августа, и в одном доме.

Острее реагируя на человеческие недостатки, чем ее братья, Кэтрин могла разгневаться. Когда Орвилл осваивал игру на мандолине, она нередко взрывалась. «Он расселся здесь и так бренчит на этой штуковине, что я просто не могу находиться дома!» — жаловалась она отцу. «Ты способная и добрая, — отвечал он ей. — И мне очень хочется, чтобы ты научилась держаться по-женски скромно и сдерживала свой нрав, потому что нрав — суровый хозяин».

Для своих друзей они были Уиллом, Орвом и Кэти. Между собой они называли Уилбура Улламом, Орвилла — Баббо или Бабсом, а Кэтрин — Штерхенс от немецкого слова *Schwesterchen*, что означает «сестричка». Двое старших детей в семье — братья Рейчлин и Лорин — были женаты и имели собственные семьи. Рейчлин переехал в Канзас и жил на ферме. Лорин, бухгалтер по профессии, его жена Нетта и их четверо детей Милтон, Ивонетта, Леонтина и Хорэс жили бук-

важно за углом от дома номер 7 по Хоторн-стрит. Тот факт, что и Лорин, и Рейчлин сменили множество профессий, стараясь свести концы с концами и прокормить свои семьи, видимо, в значительной степени укрепил Уилбура и Орвилла в желании оставаться холостяками.

Их покойная мать, Сьюзан Кернер Райт, родилась в Вирджинии в семье тележника, немца по происхождению. Ее привезли на Запад ребенком. Дети описывали ее как женщину очень умную, ласковую и болезненно застенчивую. Когда после свадьбы она в первый раз пошла в бакалейную лавку и там ее спросили, кому доставить покупки, она забыла свою новую фамилию. Но она была веселой и сообразительной, а в своей семье — «просто гением», который может сделать все что угодно, и особенно игрушки, даже санки, такие же качественные, как в магазине.

«Она была очень понимающей [писала Кэтрин]. Она видела что-то необычное в Уилле и Орве, хотя любила нас всех. Она никогда не ломала ничего, что старались смастерить мальчики. Она подбирала любую мелочь, которую они бросали у нее на пути, и ставила на полку в кухне».

Техническая одаренность «мальчиков» — это они знали — досталась им от матери, так же как и застенчивость Орвилла. Ее смерть от туберкулеза в 1889 году стала для семьи тяжелейшим ударом.

Епископ Милтон Райт был любящим отцом, который постоянно давал детям толковые советы и имел собственное мнение обо всем. Среднего роста, с осанистой фигурой, он носил окладистую седую бороду, но брил усы и тщательно зачесывал редкие седые волосы на полысевшую макушку. Как и в случае с Уилбуром, характерное для него «угрюмое» выражение лица далеко не всегда отражало его настроение на данный момент, как и его взгляды на жизнь.

Милтон Райт родился в 1828 году в Индиане, в бревенчатой хижине, и вырос, впитав ценности и привычки, харак-

терные для фронта — зоны освоения Дикого Запада. О его матери по имени Кэтрин известно мало, а вот отец, Дэн Райт-младший, сын ветерана Войны за независимость, был в глазах мальчика героем. По рассказам Милтона, «он был серьезным, сдержанным, очень педантичным и страдал заиканием». Дэн Райт-младший слыл убежденным трезвенником, что редко встречалось на фронтире, и был человеком прямым и целеустремленным. Впрочем, все вышесказанное вполне подходило для описания как самого Милтона, так и Уилбура с Орвиллом.

В возрасте 19 лет Милтон стал прихожанином Церкви объединенных братьев во Христе — объединения протестантских церквей. Первую проповедь он прочитал в 22 года и был посвящен в духовный сан, когда ему исполнилось 24. Прослушав несколько курсов в маленьком колледже при церкви, он, однако, так и не завершил обучение. Основанная перед Гражданской войной, Церковь объединенных братьев твердо придерживалась нескольких принципов: она выступала за отмену рабства, предоставление гражданских прав женщинам и находилась в оппозиции масонству и его тайным методам, — и Милтон Райт всегда оставался верен своим убеждениям, о чем было известно всем, кто его знал.

Будучи проповедником, он путешествовал по городам и весям, на поездах и верхом, и повидал страну, как мало кто из его поколения. В 1857 году он отправился из Нью-Йорка в Панаму на пароходе, пересек Панамский перешеек по железной дороге, затем два года преподавал в церковной школе в Орегоне.

Милтон и Сьюзан поженились в округе Фейетт, штат Индиана, недалеко от границы с Огайо, в 1859 году и поселились в том же штате на ферме в Фэрмонте, где родились два их старших сына. В 1867 году они переехали в пятикомнатный деревянный фермерский дом в Милвилле (Индиана), и именно там 16 апреля Сьюзан произвела на свет Уилбура (Уилбур и Орвилл получили имена в честь почитаемых их отцом религиозных деятелей, Уилбура Фиске и Орвилла Дьюи).

Спустя год семейство перебралось в Хартсвилл, Индиана, а еще через год, в 1869 году, — в Дейтон, где они приобрели только что отстроенный дом на Хоторн-стрит. Преподобный Милтон Райт получил место редактора в общенациональном еженедельнике Объединенных братьев, издававшемся в Дейтоне, что привело к значительному увеличению его годового дохода — с 900 до 1500 долларов.

В 1877 году, после того как Милтон был избран епископом и круг его обязанностей расширился еще больше, они со Сьюзан сдали дом в наем и перевезли семью в Сидар-Рэпидс (штат Айова). Отвечая теперь за весь церковный округ западнее реки Миссисипи, он занимался планированием и организацией конференций в районе от Миссисипи до Скалистых гор, проезжая за год тысячи километров. Еще через четыре года семья вновь переехала, на этот раз в Ричмонд (Индиана), где десятилетний Орвилл начал мастерить воздушных змеев для развлечения и на продажу, а Уилбур пошел в старшую школу. Лишь в 1884 году Райты смогли вернуться в Дейтон.

Население города составляло тогда около 40 000 человек, по этому показателю он занимал пятое место в Огайо и уверенно развивался. В городе построили новую больницу и новое здание суда, и он был впереди всей страны в области использования электрического уличного освещения. Шло строительство огромной новой публичной библиотеки в модном романском стиле. В течение ближайших нескольких лет будет построена новая школа, напоминающее по форме башню пятиэтажное кирпичное здание, которым мог бы гордиться любой университетский кампус. Как говорили в Дейтоне, это были здания, свидетельствующие о «приверженности чему-то большему, чем просто роскошь».

Лежащий в широкой холмистой пойме на восточном берегу излучины реки Майами, протекавшей через Юго-Западный Огайо, Дейтон расположен в 80 километрах севернее Цинциннати. Город начал строиться ветеранами Войны за независимость в конце XVIII века и назван в честь одного из основа-

телей — Джонатана Дейтона, члена Конгресса от штата Нью-Джерси и одного из тех, чьи подписи стоят под Конституцией США. Но до появления железных дорог Дейтон развивался очень медленно.

Однажды в 1859 году лужайка перед старым зданием суда стала местом, где выступил с речью Авраам Линкольн. С исторической точки зрения это событие, имевшее место в Дейтоне, не представляло большого интереса. Однако в своей речи Линкольн с гордостью говорил о месте, где хорошо жить, работать и создавать семью — об Огайо в целом. Разве не Огайо был к тому времени родным штатом трех президентов Соединенных Штатов? И Томаса Эдисона? Другой достойный сын Дейтона, Уильям Хоуэллз, редактор журнала «Атлантик», писал, что жители Огайо — это идеалисты, которые «имели мужество мечтать»:

«Благодаря этому мужеству они добились того, что лучшее из мечтаний сбылось, и хорошо, что, несмотря на преобладающую в их характерах практичность и сухость, временами они становились энтузиастами и даже фанатиками».

Спустя много лет в одном из своих выступлений Уилбур заметил, что, если бы он давал совет молодому человеку о том, как преуспеть в жизни, он бы сказал: «Найди хороших отца и мать и начни жизнь в Огайо».

К 1884 году город все еще остро нуждался в новой железнодорожной станции, а большая часть улиц по-прежнему оставались немощеными, но перспективы будущего процветания казались яркими как никогда. Дело в том, что в Дейтоне была основана и успешно развивалась компания, занимавшаяся производством кассовых аппаратов. Скоро она превратилась в крупнейшего в мире производителя этого вида продукции. Епископ Райт знал, что его кочевая жизнь продлится еще полгода или даже больше. Но, как бы то ни было, Дейтон уже стал домом семейства Райт, и это обсуждению не подлежало.

Важной частью семейного образования в области географии, если не сказать даже в области поощрения любознательности детей, были длинные письма епископа, которые он писал во время своих поездок, зачастую прямо в поезде. Куда бы ни приводили епископа служебные дела, он неизменно демонстрировал любовь к своей стране и ее великолепию. Миннеаполис и Сент-Пол он называл городами «непостижимой величины в прекрасной местности, где выращивают пшеницу». Епископ писал с энтузиазмом, полный восхищения увиденным. Склоны гор западнее Мизулы* так круты, что требуются три локомотива — два в голове и один в хвосте состава, сообщал он своим домочадцам. Его мир, а соответственно, и их мир рос и ширился. «Я прибыл сюда вчера, выехав без двадцати минут два ночи», — сообщал Милтон в письме, отправленном из городка Биггс (Калифорния).

«Вам следовало бы увидеть горы Сискию**, которые мы вчера пересекли по железной дороге. Мы поднялись довольно высоко и из-за крутых склонов проехали много миль, но уехали совсем недалеко. Проехав где-то около мили, мы возвращались на 200 футов от того места, где уже были, но оказывались на 175 футов выше. Миновали несколько туннелей, но не особенно длинных. Самым длинным был последний — на вершине. Это самый грандиозный пейзаж, который я видел, и самые крутые склоны, по которым я когда-либо перемещался».

Благодаря многим прочитанным книгам и наблюдениям, сделанным во время бесконечных путешествий, он приобрел неистощимый запас знаний, которые трансформировались в советы относительно того, что такое хорошо и что такое плохо, чего нужно остерегаться в жизни, к чему стремиться. Мил-

---

* Город на западе штата Монтана. — *Прим. пер.*

** Горы на северо-западе Калифорнии и юго-западе Орегона. — *Прим. пер.*

тон читал нотации по поводу одежды, чистоплотности, экономии. Проповедовал дома о мужестве и хорошей репутации — он бы сказал, «о хорошем характере», — достойных целях и настойчивости. Частью отцовских обязанностей он полагал установление норм и правил.

«Считается, что молодые знают все лучше всех, а пожилые — это отсталые чудачки. Возможно, так оно и есть, но пожилые могут быть так же правы насчет новых изобретений, как молодые насчет старых ретроградов. Занимайтесь сначала делом, развлечения — потом, и это окупится. Что касается денег, то их у человека должно быть столько, чтобы он не был обузой для других».

Он считал обязательным для себя относиться ко всем трем детям, оставшимся жить в родительском доме, с одинаковым уважением и любовью, хваля каждого за его или ее таланты и участие в семейных делах. Но все-таки его любимцем был Уилбур, «свет его очей», по словам Кэтрин.

Однако тот же Уилбур был причиной величайших волнений. В юности он преуспевал во всем. Был прекрасным спортсменом, особенно отличаясь в американском футболе, катании на коньках и гимнастике, и великолепно учился. В год окончания школы в Дейтоне он имел оценки выше 90 по всем предметам — алгебре, ботанике, химии, английской литературе, геологии, геометрии и латыни. Шли разговоры о том, что он поедет учиться в Йельский университет.

Однако все эти планы рухнули, когда во время игры в хоккей на льду замерзшего озера за зданием приюта для солдат-инвалидов Гражданской войны Уилбур получил по лицу удар клюшкой, которым ему выбило почти все зубы верхней челюсти.

Сложно определить точно, что там произошло: судить об этом можно лишь на основании той небогатой информации, которая дошла до нас. Но есть один интересный факт. Согласно записи в дневнике епископа Райта, сделанной много лет спу-

стя, в 1913 году, «человеком, который держал в руках клюшку, нанесшую удар, был один из самых известных преступников в истории Огайо, Оливер Крук Хоу», казненный в 1906 году за убийство матери, отца и брата. Кроме того, считается, что он убил еще по меньшей мере десять человек.

Во времена, когда случилось это происшествие на хоккейной площадке, Хоу жил всего в двух кварталах от Райтов. Ему было 15 лет, то есть он был на три года моложе Уилбура, но ростом и весом со взрослого мужчину и имел репутацию местного хулигана. После его казни газета «Дейтон джорнал» напишет: «Оливер всегда желал причинять другим боль или по меньшей мере неудобства».

Мы не знаем, был ли удар случайным или намеренным. Однако известно, что тогда Оливер работал в аптеке на 3-й Западной улице, и аптекарь, желая помочь ему снять боль, которую причиняли гниющие зубы, давал ему популярное в те годы средство «кокаиновые капли от зубной боли». Юный Хоу очень быстро впал в зависимость от этого лекарства и алкоголя, и его поведение стало настолько неконтролируемым, что его пришлось на несколько месяцев поместить в дейтонский приют для умалишенных.

Уилбур несомненно знал Оливера Хоу. Однако неизвестно, насколько хорошо. Неизвестно также, хотел ли Хоу отплатить Уилбуру за что-либо или просто находился под воздействием наркотиков. Кроме краткого упоминания в дневнике епископа Райта, ни в семейной переписке Райтов, ни в воспоминаниях нет никаких сведений ни о происшествии, ни о том, как оно повлияло на Уилбура. Видимо, семья сочла нужным забыть этот неприятный случай и он остался лишь в укромном уголке памяти Уилбура. Но, несомненно, происшествие на катке изменило его жизнь.

В течение многих недель он страдал от мучительных болей лица и челюсти, затем ему пришлось вставить искусственные зубы. Травма повлекла за собой серьезные проблемы с пищеварением, учащенное сердцебиение и приступы депрессии, которые длились все дольше и дольше. Семья все больше беспокоит

лась. Разговоры о Йеле прекратились. Слабая здоровьем мать заботилась об Уилбуре как могла, но ее собственное состояние становилось все хуже, поэтому он начал присматривать за ней.

«С такой сыновней преданностью мало что может сравниться», — писал епископ. Он считал, что благодаря Уилбуру жизнь матери была продлена по меньшей мере на два года. По утрам она обычно чувствовала в себе достаточно сил, чтобы спуститься с посторонней помощью на первый этаж, но вечером Уилбур должен был относить ее наверх.

Брат Лорин был, кажется, единственным из всех, кто разочаровался в Уилбуре. «Чем занимается Уилл? — писал он Кэтрин из Канзаса, куда уехал попытать счастья. — Он же должен что-то делать. Он по-прежнему повар и горничная?»

Уилбур оставался затворником, в большей или меньшей степени привязанным к дому, в течение трех лет — и в этот период он начал читать так много, как никогда раньше.

Дом Райтов, средоточие жизни семьи, с виду и по размерам был скромным. Он располагался в сравнительно небогатом районе. Подобно большей части улиц Дейтона, Хоторн-стрит оставалась немощеной вплоть до начала нового века. Дом номер 7 с двумя липами и каменной коновязью перед ним представлял собой узкое белое каркасное строение и ничем не выделялся среди других зданий на улице. Обращало на себя внимание лишь затейливое крыльцо с верандой, которое построили братья.

В доме было семь комнат — три внизу, четыре наверху, все очень маленькие. Лишь 60 сантиметров отделяли дом Райтов от соседнего дома номер 5, примыкавшего к нему с северной стороны. Протиснуться между строениями можно было только боком.

Братьям было уже хорошо за 20, когда в доме появился водопровод. Каждую неделю мылись, сидя в бадье с горячей водой: ее ставили на полу в кухне и опускали занавески. На улице были открытый колодец, деревянный насос для подъема

воды из него, туалет и каретный сарай. Электричества в доме не было, но имелось газовое отопление и освещение. Еду готовили на плите, которую топили дровами. Общая стоимость дома и имущества составляла примерно 1800 долларов.

Парадная дверь открывалась с крыльца в небольшую переднюю, но обычно все входили и выходили через боковую дверь на веранде, которая вела в большую гостиную. Если идти отсюда, то передняя была справа, а столовая и кухня — слева. По узкой, покрытой ковровой дорожкой лестнице можно было попасть наверх, в спальни.

Недорогая обстановка первого этажа была в викторианском стиле — такую в те времена можно было найти в большинстве домов Огайо, да почти и всей страны: тюлевые занавески на окнах в передней, необитые деревянные кресла-качалки, часы производства фирмы «Гилберт» на каминной полке, которые били каждые полчаса и час, дубовый буфет с зеркалами в столовой. Благодаря высоким потолкам, скромным размерам и простоте обстановки комнаты казались не такими крошечными, какими были на самом деле.

Наверху имелось только самое необходимое — кровати, комоды и ночные горшки. Исключение составляли лишь книжный шкаф и стол со сдвижной крышкой в спальне епископа, расположенной в передней части дома, выходящей на улицу. Уилбур спал в средней комнате, Орвилл и Кэтрин — в комнатах в задней части дома. Из-за того что тепло исходило только из газовых каминов на первом этаже, в холодную погоду двери в спальни приходилось держать широко открытыми.

Всего лишь в нескольких кварталах от дома проходила железная дорога, поэтому свистки паровозов были обычным звуковым сопровождением по ночам во все времена года. Запах дыма из паровозных топок был запахом дома.

Только собрание книг семейства Райт было не скромным по количеству и не рядовым по составу. Епископ Райт, всю жизнь любивший книги, горячо настаивал на том, что чтение — бесценно.

Складывается впечатление, что, выбирая между формальным образованием в школе и неформальным дома, он больше ценил второе. Епископ никогда особенно не волновался, если дети пропускали школу. Если кто-то из них предпочитал провести один-два дня дома из-за работы над проектом или за интересным и достойным, на его взгляд, занятием, то проблем не возникало. И естественно, чтение считалось исключительно достойным времяпрепровождением.

Книги, которые епископ считал «очень серьезными», в основном по теологии, хранились в его спальне, остальные же — большая часть — гордо стояли на видном месте в гостиной, в высоком книжном шкафу со стеклянными дверцами. Там можно было найти произведения Диккенса, Вашингтона Ирвинга, Готорна, Марка Твена, полное собрание сочинений сэра Вальтера Скотта, поэмы Вергилия, «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, «Потерянный рай» Мильтона, «Жизнь Сэмюэла Джонсона» Босуэлла, «Историю упадка и разрушения Римской империи» Гиббона, а также Фукидида. В библиотеке были также книги по естествознанию, по истории США, о путешествиях, история Франции в шести томах, сборник упражнений по правописанию, книга Дарвина «Происхождение видов» и два полных выпуска энциклопедий.

Все в доме постоянно читали. Кэтрин любила романы Вальтера Скотта, Орвилл — «Дом о семи фронтонах» Готорна, в то время как Уилбур, особенно во время своего затворничества, читал все подряд, но особое предпочтение отдавал историческим трудам.

Когда епископ бывал дома, он тоже проводил время за чтением. Кроме того, его можно было найти в публичной библиотеке, где он со страстью занимался генеалогией. Будучи человеком, свято верившим в важность семьи, он в то же время мало что знал о собственном происхождении и происхождении своих детей. Ему хотелось, чтобы они знали об этом как можно больше. Кроме того, он хотел, чтобы они обладали здравым смыслом, имели восприимчивый ум и умели мыслить самостоятельно.

О Милтоне Райте говорили, что его голова никогда не переставала работать. «Он свободно говорил со своими детьми на любые темы, — рассказывал Орвилл, — за исключением зарабатывания денег — этому вопросу он уделял мало внимания».

Среди духовных книг, стоявших на полках в спальне епископа, были работы «великого агностика» Роберта Ингерсолла, прочесть которые епископ всячески побуждал братьев и Кэтрин. Очевидно, именно под влиянием книг Ингерсолла братья приняли решение прекратить регулярно посещать церковь. Эту перемену епископ воспринял вроде бы без особых возражений.

Интересно, что, несмотря на самоотверженное отношение епископа к работе в церкви, религия почти не упоминается ни в его письмах к детям, ни в их письмах к нему. Среди домашнего убранства не было ни религиозных изображений в рамках, ни цитат из Библии, за исключением цветной гравюры святой Доротеи, которая висела слева от газового камина в передней гостиной. Но это была та часть комнаты, где Орвилл держал свою прислоненную к стене мандолину, а святая Доротея считалась покровительницей музыки.

Много лет спустя один из друзей сказал Орвиллу, что он и его брат всегда были примером того, сколь многого могут добиться американцы, не имеющие особых преимуществ. «Но это неправда! — решительно возразил Орвилл. — Нельзя говорить, что у нас не было особых преимуществ... В нашу пользу говорит то, что мы росли в семье, где всегда поощрялась пылливость ума».

II.

В начале 1889 года, будучи еще учеником старших классов, Орвилл устроил в каретном сарае за домом типографию, что, очевидно, не вызвало возражений со стороны епископа. Заинтересовавшись на какое-то время печатным делом, Орвилл проработал два лета подмастерьем в местной типографии. Он разработал и построил печатный станок собствен-

ной конструкции, использовав для этого списанную опорную стойку, дефектную пружину и разный металлолом. «Мои отец и брат, видя мою решимость стать печатником, спустя некоторое время купили мне небольшой печатный станок», — объяснял позднее Орвилл. С помощью Уилбура, уже готового начать жизнь заново, он начал печатать газету «Вест-сайд ньюс», посвященную жизни и интересам той части Дейтона, где они жили, — расположенной на западном берегу реки.

Первый номер на четырех страницах вышел 1 марта. В нем содержалось 17 рекламных объявлений местных предприятий, среди которых были аптека Ф. Нипкина, галантерейный магазин У. Линкольна (предлагались БОЛЬШИЕ СКИДКИ), бакалейная лавка Уиндера, прачечная Кливленда и магазин кормов Г. Рьюза. Орвилл был указан как издатель. Цена подписки составляла 45 центов в год или 10 центов на две недели.

Редакционное содержание этого и последующих номеров состояло из одной короткой статьи с информацией, представляющей общий интерес, и разнообразных местных новостей, отбирал которые, по-видимому, Уилбур. Из газеты читатель мог узнать о поломке товарного вагона на мосту Вулф-Крик или о том, что лекция о Шекспире профессора С. Луса в школе была доброжелательно воспринята многочисленной аудиторией, о том, что фабрика по производству чемоданов У. Денни сгорела дотла, и о том, что Джордж Ла Рю, проживающий на Саут Хоторн-стрит, подарил свою обширную коллекцию птичьих яиц публичной библиотеке. А также о том, что мисс Кэрри Остердэй с 3-й Западной улицы, Г. Дж. Николас и Тьюла Рэйсли Стрит больны брюшным тифом, а полицейские О'Брайен, Арми и Китцельман арестовали Эда Киммела и еще одного мальчика за кражу кур.

В то же время читатель мог найти в газете упоминание о сильнейшем наводнении в городе Джонстаун, штат Пенсильвания, или сообщение о завершении строительства Эйфелевой башни в Париже.